

Священномученик АЛЕКСАНДР (МИРОПОЛЬСКИЙ)

Мнимое благочестие Мухаммеда

Мухаммед не смирил своего самолюбия и гордости даже и тогда, когда отправился из Медины в Мекку как будто на поклонение Каабе. Он совершил это с хитростью и обманом. Он вошел в Каабу «как священная глава Аравии», совершил там обряды веры, т. е. омылся, брился, принес жертвы, семь раз объехал вокруг Каабы верхом на верблюде и прикоснулся к черному камню — к великой народной святыне, к которой народ с благоговением прикасался лишь устами.

Итак, вот какое служение Богу совершил Мухаммед, этот самозванный «пророк и светильник»¹, для которого будто сотворен весь мир. И это он совершил во имя единого во вселенной Аллаха, грозного, своевольного, страшного деспота, каким выставляет его Мухаммед перед своими последователями. Может быть, в то время Мухаммед и омовения тела своего не делал бы перед обходом священного черного камня. Но он, вероятно, очень был грязен от частого сообщения со своими женами и пленницами, почему и самому ему было противно обонять свою нечистоту плотскую и нравственную. В тех же целях и до сего дня совершаются омовения его последователями.

Сама вероучительная книга Мухаммеда, Коран, не заслуживает серьезного внимания, ибо она есть не что иное, как беспорядочный сборник суеверий, вымыслов и противоречий (последних насчитывают до 240), высказанных кощунственно от имени Бога. Хотя в нем встречаются и библейские рассказы в сокращенном виде,

¹ Коран 33: 45.

зачастую данные только намеком, но они совсем не назидательны и извращены. Так, патриарх Иосиф, ведший жизнь Божественной любви, выставлен сладострастным, самолюбивым, безнравственным человеком. Даже история падения Адама изложена совершенно в мухаммедовом вкусе, ибо дьявол, чтобы соблазнить Адама, по его словам, поднял подол Евы и показал ему ее наготу.

Даже еврейские религиозные обряды, так полюбившиеся Мухаммеду, он не осмыслил и дал им своеобразное толкование. Жертва мусульманами приносится только в подражание Аврааму; обрезание нужно только для лучшей чувствительности и усиления страстности; омовения совершаются лишь для вида и счета — «исполнено». Пост выражается в перемене дня на ночь в отношении приема пищи.

Нравственного значения магометанские обряды не имеют никакого. У мусульман, как у древних язычников — римлян, — считается нравственным тот, кто в точности исполняет обряды веры. Противоречия в изречениях Корана Мухаммед возлагает на самого Аллаха, пожелавшего якобы прежние правила заменить другими. А таким образом, бог Мухаммеда выходит непостоянным и непредусмотрительным. Божественный авторитет и величие Мухаммед оскорбляет, когда называет своего бога хитрецом и мстительным. Он даже привлекает бога к вмешательству в свои семейные дразги, заставляя его защищать свою изменницу-жену, Айшу, будто оклеветанную зложелателями.

Мало того, Мухаммед, в силу наивысшего своего самолюбия и честолюбия, поставил себя рядом с богом, заставляя верующих произносить свое имя вместе с именем Аллаха: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед посланник его». До него еще ни один самолюбец не позволял себе такую дерзость. Только падший Денница восхотел поставить престол свой превыше облаков и царствовать над миром². И вот бессознательно подражая сатане, пребывая в его самолюбивой жизни, Мухаммед словно прицепился к богу и требует от своих последователей равночестной славы себе.

Дух Корана представляет собой смесь веры, безверия, наивности, фанатизма, страстности и нетерпимости. Правил богоугодной жизни для человека Коран не дает. Вернее, он проповедует бездеятельность духовную и угождение плоти. Подобную книгу выдать за Божественное откровение, истинное и единственное для всего рода человеческого, может только самолюбивый и сам

² См.: Откр. 8: 14.

себя боготворящий, злонамеренный обманщик либо обманутый больной человек.

Преследуя свои цели, Мухаммед старается прежде всего подавить в своих последователях свободу мысли и сознания, превращает их в слепые и безответные орудия для себя и делает из них бессознательных подражателей своему самолюбию. А так как Мухаммед не понимал истинного смысла жизни человеческой и значения религии для человека, то думал, что вся сущность веры — это убеждение в существовании единого Бога и в том, что Мухаммед — пророк Его. Тогда и вся жизнь человеческая исправится, и он будет в раю пресыщаться удовлетворением своих страстей.

До самого же бога ему дела нет, ибо тот живет своей непонятной для Мухаммеда жизнью. Он деспот и всеми тварями распоряжается по личному своему усмотрению. Из такого понятия о Боге у Мухаммеда вытекло его мнение о безусловном предопределении проявлений человеческой жизни в делах и словах, нравственных и безнравственных. Так, в Коране читаем: «Господи, в Твоих руках власть. Ты даешь ее, кому хочешь, и отнимаешь, у кого захочешь. Ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь»³. «Есть между ними такие, которыми руководит Бог; есть и такие, кои назначены к заблуждению». Таково нелепое учение Корана, по которому Бог представляется виновником добра и зла, веры и неверия, добродетели человека и пороков его.

Мухаммед, будучи сам честолюбив и эгоистичен, к тому же ведет и своих последователей, потворствуя их чувственности и возбуждая надежду на сладострастную загробную жизнь. И все это он святотатственно совершает от лица Божьего и именем Божьим. И всегда прежде всего он выставляет свои личные интересы: «Если спросят тебя о добыче, скажи: добыча в распоряжении Бога и Его посланника. Бойтесь Бога, повинуйтесь Ему и Его посланнику»⁴.

Мы всегда удивляемся и недоумеваем, каким образом магометане не видят в Коране всего самолюбия и бесстыдного своеволия их лжепророка и верят его сумасбродным разглагольствованиям. Как будто сам дьявол ослепил их в ущерб славе Божьей, на пагубу множества людей. Мусульмане бессознательно углубились в мрачное, плотское существование, всего чуждого боятся и, подобно китайцам, живут прежней, почти скотской жизнью, хотя внешне и стали более культурными.

³ Коран 3: 25–26; 77: 139; 2: 277, 286.

⁴ Коран 8: 1.

Кажется, их ослепила страстность, отчего они руководствуются не умом, а лишь чувствами. Все приятное для плоти они считают наслаждением и блаженством, но о радости духовной и сладости чистой жизни любви они понятия не имеют.

Потворствуя чувственности, Мухаммед узаконил для своих последователей многоженство, соединенное со страстной необузданностью. Самому же себе Мухаммед от имени бога присвоил в отношении к женщинам особые права и привилегии. В Коране он ясно говорит, что бог дал ему в брачном отношении преимущество пред его последователями; потому-то он может, нисколько не подвергаясь осуждению, законно брать себе столько жен и наложниц, сколько захочет⁵.

По стопам пророка идут и его последователи. Плотскую же, страстную жизнь Мухаммед обещает даровать им и за гробом. Каждому из них, каждому своему рабу Мухаммед обещает по нескольку «юных, чернооких дев». Словом, мусульманский рай — это такое место, куда не пожелал бы войти ни один человек с чистой душой, ибо в нем предполагается какой-то страшный разврат. Неужели несчастные мусульмане никогда не освободятся от этих диких представлений о жизни и не устремятся на путь Божественной чистой любви, к вечному Источнику жизни Ангелов и людей?

О радостях духовных, о союзе человека с Богом, о единстве в жизни любви мусульманин не имеет ни малейшего понятия, ибо он живет только плотскими чувствами.

Безусловно, и в Мухаммеде, как и во всяком человеке, был некоторый остаток любви или искра Божественной жизни, а потому и в нем иногда проявлялось нечто доброе, как лучик света в темной ночи. Но все же в нем преобладало самолюбие и стремление служить себе, жить для себя, а не для Бога, т. е. не для проявления во всех своих действиях и в отношении к ближним Божественной любви. О служении Богу и цели бытия человека Мухаммед не имел понятия. Он сам думал и своим последователям внушал, что для спасения человеку вполне достаточно часто говорить: «Велик Аллах», — хотя и проводя жизнь плотскую, самолюбивую, не соединенную с Божественной, послужившей первоисточником бытия человека.

Сильнее всего самолюбие Мухаммеда проявилось в его стремлении поставить себя рядом со своим богом: «Велик Аллах, Мухаммед посланник его», — будто бы и он так же велик. Подобным образом

⁵ См.: Коран 33: 49.

он повелел всегда славить Аллаха и его самого во время молитвы (интересно, какие слова он произносил во время молитвы? Неужели говорил: «Велик Ты, Господи, а я Твой посланник!» Ведь это было бы уже высшее нахальство и кощунство).

Можно положительно сказать, что мусульмане боготворят Мухаммеда, воздавая ему словесную хвалу наравне с Аллахом. Магометане не понимают, что славить Бога можно только жизнью по воле Его. Однако жизни и воли Божией магометане не знают, а потому изучили хорошо жизнь Мухаммеда и только ее проявляют в своей деятельности, т. е. живут, как язычники.

Мы причисляем магометанство к язычеству потому, что единый бог Мухаммеда — языческое божество по свойствам своим, а жизнь Мухаммеда и его последователей — жизнь языческая, самолюбивая, состоящая в служении своей плоти.

Так, весь Коран Мухаммеда переполнен предостережениями: «Бойтесь бога, ибо он делает, что хочет... Заблуждает, кого хочет, и на истинный путь направляет, кого хочет... В рай возводит и во ад низводит, кого хочет, не взирая на дела человека. Вера и неверие человеку подается от бога. Добро и зло происходят от бога».

Мусульмане вместе с Мухаммедом постоянно величают Аллаха милостивым и милосердным («ррахманиррахими»). Но в чем же заключается и проявляются его милость и милосердие, если он создал ад нарочно для того, чтобы наполнить его людьми только по своему усмотрению, а не по заслугам?

Именуя Аллаха милостивым и милосердным, Мухаммед в то же время говорит, что он таков не по существу своему и свойствам жизни, но лишь потому, что сам себе предписал обязанность быть милостивым к людям⁶.

По жизни своей бог Мухаммеда в высшей степени самолюбив и грозен, а потому и внушает человеку только страх, постоянно угрожая ему осуждениями, проклятиями и геенной.

Бог изображен Мухаммедом в виде страшного, грозного и мстительного существа: «Он повелевает молнии возбуждать страх. Ему воссылают хвалу гром и ангелы, трепещут от страха пред Ним. Он страшен своими запретами»⁷. При этом всякая надежда на милость и милосердие в человеке пропадает от безусловной воли этого божества и предопределения его. Бог представляется хотя и милостивым, и милосердным, и благим, но не в отношении к людям

⁶ См.: Коран 6: 12, 54.

⁷ Коран 22: 18; 13: 13–16.

и не в целях исправления душевного настроения людей, а исключительно по своему хотению или капризу: «Бог прощает, кого хочет»⁸.

Итак, жизнь бога Мухаммедова состоит не в свойствах любви, благодати и милости, а в каком-то недостижимом величии и беспредельном могуществе⁹. Мухаммед приписал Богу безграничный произвол, чем уничтожил значение добра и зла в жизни человека и, что особенно богохульно, сокрыл от взора магометан истинный источник всякого блага — Божественную любовь — и источник всякого зла — дьявольское самолюбие.

По воззрению Мухаммеда, никакого зла в мире нет, ибо если все от Аллаха и бывает только по его воле, что же считать злом? Никакого греха или ошибки в мире не может быть. Всякое зло и всякий грех с его последствиями в виде страданий в жизни человека, согласно учению Мухаммеда, суть проявления воли и жизни самого Творца.

А отсюда выходит, что жизнедеятельность самого единого божества весьма беспорядочна, неустойчива, нравственно безобразна и приносит страдания. Это мы можем заключать по тому, что в жизни всего человечества, произошедшей от Бога, наблюдается беспорядок. Если так, то человек за гвои худые дела не ответствен и не заслуживает ни рая, ни ада. Мухаммед не имел истинного понятия о грехе и его сущности. А потому совершенно запутался в выяснении понятий о Боге и человеке.

Задавшись целью поставить себя пророком для арабов и создать религию единого Бога в противовес языческому многобожию, он не смог понять свойства жизни Божественной; а потому не сумел определить и свойства жизни человека и причину беспорядков в мире. Отсюда у него, как у язычника, возникла мысль, будто «Бог что хочет, то и делает». Все сотворено Аллахом для служения и поклонения ему — самолюбивому, полновластному владыке зла и добра. Из такого же понятия о боге у Мухаммеда выработалось учение о безусловном предопределении.

Мухаммед, будучи сам властолюбивым, страшился допустить, чтобы человек или иное какое-либо создание Божие могли проявлять в жизни свою волю и самостоятельно действовать. Мусульмане говорят, что если предположить, будто человек самостоятельно согрешает, то он станет творцом своих дел, а значит, вторым богом и как бы товарищем единому богу. А тогда Мухаммед и его после-

⁸ Коран 2: 284; 3: 124; 5: 21; 4: 52; 3: 27; 9: 28 и т. д.

⁹ См.: Коран 13: 27; 16: 25; 35: 9.

дователи считались бы уже многобожниками. Разрушилось бы все учение Мухаммеда о едином боге и о его посланничестве.

Итак, Аллах — единственный источник добра и зла в мире. Рай и ад наполняются людьми не по заслугам своим, а по воле Аллаха¹⁰, ибо он сам вдыхает в душу человека нечестие и благочестие¹¹, сам ведет людей к гибели. Он запечатлевает сердца, зрение и слух, и потому люди не верят в откровение; проклинает их и даже отдает прямо во власть сатаны¹².

Чего Мухаммед хотел достигнуть подобным учением, трудно сказать. Можно подумать, что он стремился уничтожить в арабах всякую духовную деятельность и сопротивление ему. Или хотел при помощи имени Аллаха завладеть их умами и душами и господствовать над ними полновластно, распоряжаясь жизнью и смертью их. И он достиг своей цели. До сего времени последователи его говорят: «Чему быть, того не миновать». Они настолько поверили Мухаммеду, поверили в его миссию посланника, что считают его заместителем божьим.

Мусульмане боготворят Коран и уверены, что самый первый, подлинный Коран хранится на седьмом небе у Аллаха на престоле. Мухаммед готов был каждую апокрифическую книгу считать за Божественное писание и вполне доверял им, не будучи в состоянии отличить правду от неправды, басню и ложь от истины. Из различных еретических книг он много позаимствовал при составлении Корана. И «чтение» получилось довольно беспорядочным, бессвязным, бестолковым, лживым, исполненным безнравственности. А от этого ислам, даже с верой в единого бога, нисколько не лучше язычества. Более того, по Корану, свойства Аллаха почти не отличаются от свойств сатаны. Даже в безнравственных делах человеческих Мухаммед обвиняет своего бога и делает его соучастником в них.

В таком вероучении, не имеющем никаких правил жизни, собственно говоря, не может быть и речи о добре и зле в том значении, какое они имеют в жизни человеческой. Если все в мире совершается по безусловной необходимости, то явления, которые мы называем злыми, имеют также неизбежное и убедительное основание, а потому не являются злом, но добром. Стало быть, в мире, и особенно в жизни разумных тварей, нет свободы. При отсутствии же сво-

¹⁰ Коран 11: 120.

¹¹ Коран 41: 8.

¹² Коран 7: 26; 17: 65–66; 19: 86 и др.

боды человек не может иметь никаких идеалов и обязательных норм поведения; в человеке невозможно чувство ответственности за действия, потому недопустимы никакие обвинения и наказания за преступления; не нужны ни самопожертвование, ни любовь; нет нужды даже в законах религиозных и государственных. Равно человек не может вторгаться в миропорядок и что-то пытаться изменить в нем. Подобным учением уничтожается понятие о личности и нравственном существе и понятие о духе. Характерные же признаки личности, духа и нравственного существа суть свобода и руководящий ею разум, или самосознание.

Но вот, несмотря на безусловное предопределение Аллаха, мусульманин будто бы предаёт себя его воле, говоря: «Пусть бог делает со мной, что хочет», — тем не менее живет по своей личной воле и служит своим страстям.

Мухаммед не понял, какой непоправимый вред наносит он своим последователям этим бессмысленным учением о предопределении и как радуется дьявол такому непротивлению злу в магометанах.

На самом деле выходит, что мусульмане предаются не Богу, Который ожидает от человека деятельной любви, а самому сатане, живя, согласно с его внушениями, в самолюбии, гордости и самоуслаждении.

Мухаммед допускает иметь несколько жен и неограниченное число наложниц. Он же поощряет заботы о своем теле, предписывает украшать его и сытно питать¹³.

Касательно общественной жизни Мухаммед также проповедует самолюбие: «Живи в мире с братьями по вере и ненавидь неверных».

Но и сами взаимоотношения верующих между собой строятся на самолюбии, ибо здесь скрывается только предохранение мусульманского общества от распада, а не жизнь любви и мирное настроение сердца.

Бескорыстная любовь не известна Мухаммеду. Если он и говорит иногда, что «тому, кто прощает и мирится с противником. Бог должен назначить награду»¹⁴, то здесь скрывается не любовь к ближнему, а только к себе. Ибо мир сохраняется для получения награды. Кроме того, тут проповедуется мир только между своими согражданами.

Но и теперь Мухаммед не может воздержаться от проповеди самолюбия, ибо он говорит: «Верующие, вам предписывается

¹³ См.: Коран 7: 25–30.

¹⁴ Коран 42: 38.

мечь за убийство: свободный за свободного, раб за раба, женщина за женщину»¹⁵. «Кто будет убит несправедливо, за того право мести мы предоставим родственнику его»¹⁶.

Таким образом, проповедуя национализм, неуважение к иноверцам, Мухаммед не воздержался от внушения подобного самолюбивого поведения среди своих последователей, чем прямо вредит жизни, лишая их мира и тишины и возбуждая злобу. Он открыто проповедует необходимость карать убийством за убийство и за отпадение от веры¹⁷. Добродетель вообще у магометан не должна простираться далее общества единоверцев¹⁸.

Правда, кажется, Коран не сочувствует самолюбию и осуждает гордость: «Не ходи по земле величаво, потому что тебе не разверзнуть земли и не сравняться с горами»¹⁹, «Бог не любит ходящих кичливо, людей гордых и надменных»²⁰. Но это слово о гордости не противодействует самолюбию, которое проникает всю жизнь Мухаммеда, каждую мысль его, слово и дело, ибо, по его мнению, только мусульманин верен. Он один премудр и близок к Аллаху, он один наследует рай, а все прочие люди низвергнутся в ад.

Если Мухаммед проповедует такую мораль для своих последователей, то чего же можно ожидать от него относительно иноверцев? Всех не мусульман Мухаммед называет «неверными» и проповедует вражду и ненависть к ним и постоянную борьбу с ними. Он усиленно старается воспитать в магометанах чувство антипатии ко всему, не имеющему связи с их религией, а особенно с ее пророком и Кораном: «Неверные — враги Аллаха, и Аллах — враг им»²¹; «они друзья сатаны»²². Особенно христиан и иудеев, у которых он взял идею единого Бога и заимствовал обряды, Мухаммед представляет людьми отверженными, проклятыми как самим богом, так и пророком его²³.

Мухаммед освящает ненависть и вражду ко всем иноверцам, посему запрещает всякие сношения с христианами, иудеями

¹⁵ Коран 2: 173.

¹⁶ Коран 17: 35.

¹⁷ См.: Коран 2: 173; 4: 90–91.

¹⁸ См.: Коран 4: 40; 2: 77.

¹⁹ Коран 18: 48.

²⁰ Коран 31: 18.

²¹ Коран 2: 92.

²² Коран 3: 78.

²³ Коран 5: 82–85; 5: 17–20.

и язычниками. «Верующие, не берите себе в друзья ни иудеев, ни назарян, а кто из вас подружится с ними, тот будет в числе неверных»²⁴.

Слепая вера в единого Бога, для Мухаммеда неведомого, или, вернее, стремление к самовозвышению заставило его проповедовать священную войну за веру: «Воюйте с неверными... воюйте с теми, которые не веруют в Бога и последний день; не считают за грехом то, что запретил Бог и посланник Его»²⁵; «сражайтесь с неверными, убивайте их, где бы ни застали их. В войне с неверными предписывается поголовное избиение их всех»²⁶. Все это Мухаммед освящает именем своего бога. Какие бы добродетели он ни проповедовал, в них, однако, видно одно лишь самолюбие и желание служить себе: «Не обижайте никого, чтобы вас никто не обижал; делайте добро, чтобы получить награду».

Нравственного долга и душевного влечения к добру вы нигде не заметите в учении Мухаммеда. У мусульманина нет никакого побуждения к делам любви и вообще истинным добродетелям; в нем проявляется лишь вражда ко всему немусульманскому, а также стремление к разрушению и уничтожению. Мусульмане остаются врагами всего высокого, благородного и нравственного. Потому что ни в душе Мухаммеда, ни в душах его последователей нет любви Божественной — источника всякого добра. Во всех подобного рода предписаниях явно сквозит самолюбие — начало зла, отравляющее существование человека.

Самолюбивое учение Мухаммеда отразилось не только на отношениях мусульман к иноверцам и вообще другим народам, но преимущественно на их общественном и семейном укладе. В каждом семействе самолюбивую жизнь возглавляет мужчина — муж и отец, который деспотически относится к своей жене и детям, унижая женщину почти до уничтожения в ней человеческого достоинства, делая ее только средством удовлетворения своих плотских страстей и работой, занимающейся домашним хозяйством. По словам Мухаммеда, женщина — существо низшее, чем мужчина, «веревка сатаны» и наказание от бога для мужчины²⁷.

При всей неправильности такого взгляда на женщину, магометане сами себя дурачат, позволяя себе иметь четырех жен и множество

²⁴ Коран 57: 5; 3: 1, 14; 9: 7.

²⁵ Коран 9: 29; 67: 9.

²⁶ Коран 57: 25; 9: 74; 67: 4; 8: 69.

²⁷ См.: Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. 14. С. 44.

наложниц, и даже гаремы с десятками женщин. Таким образом, они совершенно опутывают себя этими «веревками сатаны» и «наказанием Аллаха». Мало того, они и в загробной жизни, в самом раю, желают и стремятся получить такое «наказание» и опутать себя этими «веревками».

Да и сам Мухаммед имел до пятнадцати жен и не один десяток наложниц, рабынь, пленниц. Нужно обратить внимание и на то, что если в доме отрицается человеческое достоинство матери, если она несравненно ниже человека — мужчины, — то сам мужчина человек ли? Ведь и он рождается не от человека, а от низшего создания Божиего. Мусульмане-мужчины ослеплены самолюбием, страстями и самомнением, а потому не могут уразуметь, что женщина сотворена Богом не из земли, как мужчина, но из ребра мужа — Адама, т. е. более высшей материи, чем земля. И в порядке мироздания женщина (Божия Матерь) занимает самое высшее место, последнее в ряду творений, и составляет, в общем-то, венец мироздания. Унижая женщину, самолюбивый магометанин унижает и самого себя, если увлекается как бы низшим существом, находя в нем свое высшее, неземное наслаждение, умножая себе жен не только в этом мире, но даже и в раю ожидая семьдесят семь «веревочек на шею» в лице чернооких гурий.

Плотские отношения с женщинами настолько опутали магометан, что они отдаются им без сопротивления, чем служат своему телу, а через него сатане. Человек же должен служить Богу и ближнему делами чистой любви. Они не понимают, что жена сотворена Богом для рождения детей, для продолжения рода человеческого, а не для удовлетворения страсти. Мухаммед же всецело был предан чувственной жизни и без женщин не мог обходиться. Против девственности он восставал, тем более что она была в чести у христиан.

Женщина нужна мужчине только для удовольствия. Потому браки мусульман теряют значения союза и становятся просто торговой сделкой между женихом и родителями невесты, что было и у язычников. Никакого духовного общения между женой и мужем быть не может — в их браке все опирается на чувственность. Коран даже запрещает любить свою жену искренней любовью²⁸. Тихие семейные радости чужды магометанам; там возможно лишь господство мужа и рабство жены и прочих членов семьи. Сожительство и наложничество мусульманину позволено по закону.

²⁸ См.: Коран 33: 34.

По вопросам воспитания детей в Коране только кое-где встречаются предписания родителям заботиться о телесном благополучии детей, но о нравственном развитии нет ни слова.

Что касается политической жизни, то, по мнению Мухаммеда, мир разделяется на мусульман и немусульман, последние должны или служить первым, или же быть уничтожены. Государственность у Мухаммеда заменяется религией. Тот, кто верует в бога и его посланника Мухаммеда, где бы он ни находился, является частью мира ислама. Во имя преданности вере и готовности всегда стать за нее с оружием в руках, Мухаммед требует отречения от всех других связей, даже родственных, и всем людям, отдающим свои чувства больше родственникам, чем обществу верующих, он угрожает наказанием от бога.

«Не берите себе друзьями ни отцов ваших, ни братьев ваших, если они неверие предпочитают вере: те из вас, которые подружатся с ними, законопреступники... Если отцы ваши, сыны ваши, братья ваши, супруги ваши, родственники ваши, имущество ваше, какое приобретали вы себе, товары, за которые боитесь застоя в распродаже, жилище, которым удовлетворяетесь, для вас любезнее Аллаха посланника его, войны на пути его — то ждите покуда Аллах не совершит своего дела: Аллах не руководит народом развращенным»²⁹.

Мухаммед сам себя ставит главой всего мусульманского общества и верховным владыкой, наделенным почти божественными правами и пророческим авторитетом. Он заповедует всем своим последователям обращаться к посланнику божьему, т. е. к нему, со всеми своими нуждами, просьбами, недоразумениями и несогласиями³⁰.

Но все обращения к нему должны быть изложены в приличной форме и с соблюдением этикета, как приносимые властелину. Его слово должно быть почитаемо, как слово самого бога, ибо он сам себя воображает существом богоподобным, наделенным неограниченной властью. Это все свойственно язычникам, боготворящим своих героев и свои плотские страсти. Со времен Мухаммеда до сего дня власть политическая в мусульманских государствах не отделяется от власти религиозной. Халифатство и теперь представляет собой объединение религиозной и гражданской власти, распространяющейся даже на любого деревенского муллу, служащего одновре-

²⁹ Коран 9: 23–24.

³⁰ Коран 4: 62, 106.

менно и духовным главой, и старостой. А от этого деспотизм есть обычная черта всякой власти среди мусульман.

В исламе нет никакого ограничения власти халифа. Таким образом, Мухаммед, будучи сам в высшей степени самолюбив, и на Бога смотрит с точки зрения своего самолюбия и своеволия. По своему же самолюбию он чуть не равняет себя с Богом, научая своих последователей постоянно вместе с именем Божиим чувствовать и Мухаммеда: «Нет Бога, кроме Аллаха. Мухаммед пророк его». Так заставил он славить себя почти наравне с Богом. Мусульманство насчитывает до 140 тысяч пророков, но знает ли хотя одного из них, который бы так дерзко осмелился ставить себя рядом со своим богом? Только сатана думал встать наравне с Богом. Иисус Христос есть Единосущный Сын Божий, однако же и Он всегда с любовью и кротостью исполнял волю Отца Своего Небесного и указывал лишь на единство Свое с Отцом по существу и по Божественной жизни.

Мухаммед самопроизвольно ставит себя выше всех пророков, хотя по образу жизни он был не выше самого обыкновенного арабоязычника. Вообразив Бога самолюбивейшим существом, Мухаммед развил и в себе самолюбие и последователям своим внушил то же. Начиная с деспота халифа до последнего араба пастуха он всех заражает самолюбием и самоугождением, а от этого само служение Аллаху превратилось у него в корыстное служение себе.

Так, совершаемые, казалось бы, в угождение богу обряды на самом деле совершаются мусульманами для самих себя. Если бог предопределил каждому человеку все дела, слова и мысли, веру и неверие, рай и ад, то какой же смысл будут иметь обряды веры и их исполнение?! И мусульманин говорит: «Я вполне предал себя богу. Пусть он со мной делает, что хочет». Но в то же время он исполняет требования только своей плоти и живет только по своей воле; из чего следует, что предопределение Аллаха остается само по себе, а мусульманин живет сам по себе. Никакого общения между божеством и магометанином нет, да и сам мусульманин не познает такой возможности.

За что, за какие достоинства Бог избрал Мухаммеда великим посланником? Этого ни Мухаммед ни последователи его сказать не могут. Но странно: совершая все поступки самостоятельно и лично для себя, мусульмане уверяют, будто делать эти дела сам бог им предопределил, а потому они не могут поступать иначе. А из этого вытекает обвинение бога, сознательное или бессознательное, во всех грехах мусульман. Они грешат, но во всех грехах обвиняют своего

бога, как бы говоря: я не сделал бы этого, но сам бог предопределил мне это сделать.

Вся обрядовая сторона мусульманства и даже вера теряет всякий смысл и соблюдается человеком лишь в угоду себе.

Вот мусульманин приносит жертву, предварительно выбрав, согласно предписанию Мухаммеда, самое тучное животное, закалает его и, сварив, съедает с наслаждением, хотя и говорит, что ест «во имя бога милостивого». Но что же здесь остается для Бога? И какое может иметь значение поедание человеком животного для духа его бога? Мы знаем, что жертва Авраамова, которой будто подражают мусульмане, была приносима в образ смирения и покаяния, в ожидании грядущего Спасителя, Своей любовью приносящего спасение миру. А у мусульман? У них жертва, как сказано, есть только самоуслаждение во имя своего бога.

Большое значение для мусульман имеет обрезание, также у Авраама заимствованное. Но эта еврейская метка, служившая в свое время знаком принадлежности к богоизбранному народу, у мусульман превращена в средство возбуждения плотских страстей для сильнейшей чувствительности, для большего самоуслаждения. Обрезание Авраамова — символ отсечения плотских страстей, Мухаммед же этого не понял и придал обрезанию иное, противоположное, значение.

Если посмотреть на то, как мусульмане соблюдают пост, то и здесь видно самоуслаждение, ибо, переменяв день на ночь, мусульманин пресыщается яствами и питием, а также и плотскими страстями еще более, чем в обыкновенное время. Только темнотой ночи они словно хотят прикрыть от Бога свое всеобщее пресыщение, когда у них происходит празднество, и они не стремятся истончить плоть, не напрягают душевных сил и ради подвигов и дел любви, как бывает у христиан. Ни для Бога, видящего и тайное, и явное, во тьме и при свете, ни для самого человека мусульманский пост не имеет никакого смысла.

Мусульманам, этим мнимым подражателями веры Авраамовой, необходимо знать, что посты назначались всегда во время покаяния и вместе с сокрушением о грехах. Пост заключается в строгом воздержании от пресыщения пищей, и особенно в хранении нравственной чистоты и днем, и ночью. Точно так же и омовения мусульман имеют чисто плотский, внешний характер, тогда как у Авраама и у всех иудеев они имели характер символический и предназначали собой духовное очищение во святом Крещении.

Таким образом, все мусульманские обряды, позаимствованные Мухаммедом у евреев, превратились в плотское служение себе, а не Богу, научившему евреев обрядами веры духовно служить Ему и обнаруживать свое стремление и желание вступить с Ним в союз жизни. Ислам выражает то самое состояние, в которое впало человечество с отпадением своим от единства с Богом. У мусульман, как и у язычников, нет поклонения Богу: они продолжают угождать только своему самолюбию, хотя и часто произносят имя Божие. Они веруют в Бога, но и бесы веруют и трепещут³¹, говорит св. апостол, и остаются отпадшими от Божественной жизни любви, в самолюбии влача свое жалкое существование. А с ними мусульмане и язычники, которые, стараясь сделать нечто угодное Богу, делают лишь из страха. Делание из страха есть уже делание не Богу, а себе, боязнь возникает из желания избежать разных бед и скорбей. Магометане и язычники еще не познали, что истинное служение Богу состоит в единстве жизни с Ним и в стремлении проявлять свойства и совершенства Божии в словах и делах любви, ибо Бог есть Любовь³².

Сравним жизнь язычников и мусульман, ибо религию составляет не только верование, что Бог есть, но, главным образом, попытка построить свое существование по образу бытия Божества, т. е. в единстве с Богом. Бог есть Любовь и проявляет Свою любовь в делах творения; так и человек, получивший все от Бога, должен сохранять в сердце Божественную любовь чистой и не тронутой самолюбием, выражать ее в делах любви во славу Божию и тем пребывать с Ним в единстве жизни. Христианский Бог живет только любовью, потому Он Свят и Благ; а мусульманский бог живет самолюбием, и добром, и злом, что и являет в своем бытии — в добрых и злых делах, предопределенных человеку. Так думали о Боге только некоторые язычники, большинство которых, впрочем, предполагало происхождение зла от злого духа, а не от духа доброго, под именем которого разумели Бога. Мухаммед же, худший из язычников, сделал своего единого бога виновником зла.

Уже достаточно ясно, что причиной отпадения от единства с Богом послужило возникшее в Деннице самолюбие, которое заразило и умы других Ангелов. От Денницы же оно перешло и в жизнь человеческую через первозданную чету. Это самолюбие ангела и человека выразилось желанием стать равными Богу и вести

³¹ См.: Иак. 2: 19..

³² См.: 1 Ин. 4: 8.

свою собственную, независимую от Бога жизнь. Как Денница, так и человек после падения начали жить только для себя и служить плотским потребностям и страстям души вместо стремления оставаться образом Божиим и вместо служения славе Его, состоящего в деятельном проявлении любви; от самолюбия же в действиях человека стало проявляться только зло.

После потопа человечество устремилось в язычество, т. е. разные народы стали придумывать себе вместо забытого Истинного Бога свои племенные божества, унизившись до обожествления предметов и животных. Затем, несколько возвышаясь в искании жизни Божественной, народы стали чтить героев из людей и поучаться их жизни, чувствуя даже их страсти; вместе с этим усилилось самолюбие и служение плоти.

Впоследствии многие народы, совершенно утратив понятие о нравственности, стали руководствоваться в жизни своей только естественными потребностями, возбуждающими в них самолюбие. А это самолюбие, соответственно двусоставности человеческого существа, стало проявляться в двух основных формах: в грубом влечении к чувственным наслаждениям и в высокомерном произволе. Это главная черта язычества. Что же, разве нет этой особенности и в мусульманстве? И до настоящего времени ислам отличается именно таковыми чертами.

Страсть к чувственному наслаждению у дикарей обнаруживается и отрицательным образом: дикарь живет преимущественно чувственной жизнью, одним из свойств которой является инертность, косность, сильное тяготение к бездеятельности и праздности, что считается у дикарей высшим наслаждением. Разве не то же самое мы видим в жизни мусульман, особенно зажиточных? Самое рабство изобретено именно на почве лени в языческой среде. У мусульман не только в земной жизни лень и чувственность почитается благом, но им обещано, что даже и в загробном мире они будут возлежать на перинах в окружении множества чернооких гурий, у них будет достаточно пищи и питья. А языческое высокомерие разве не перешло в Мухаммеда и его последователей? Для примера мусульманского высокомерия, я приведу здесь краткую выдержку из брошюры протоиерея Яблокова: «О почитании святых в исламе».

«Мусульманский святой не обладает высоконравственным характером, выражающимся в совершенном его самоотречении и бескорыстии, пламенной ревности о славе Божьей и счастье ближнего, т. е. он не имеет любви к Богу и ближнему. Сообразно с характером самого ислама, требующего от своих исповедников лишь внешнего

исполнения обрядов, все дела религиозно-нравственные, совершаемые мусульманскими святыми, носят на себе характер чисто внешний: они совершаются не из любви к Богу и ближнему, не из сознания своей греховности и желания приблизиться к Богу, но лишь из гордого, фарисейского самомнения и самолюбия, из желания почета и удивления со стороны окружающих.

Поэтому, вместо смирения и кротости, коими украшаются христианские святые, в магометанских рассказах о святых мы встречаем гордость, тщеславие и самолюбие; святой здесь является всюду в образе человека, сознающего свою силу, умеющего пользоваться своим положением, всех и каждого поражающего своими достоинствами. Например, вот с какой надменностью позволяет говорить о себе Али святой, друг божий: “Я — маленькая точка, которая ставится под буквой Б, я — бок Бога, я — перо, я — престол Бога, я составляю семь небес и семь земель”. Или вот еще пример: святой Абдул-Кадер говорит о себе: “Солнце пред восхождением своим поклоняется мне; год перед своим началом воздаст мне почтение и открывает все, что имеет совершиться в течение его”.

Гордое самомнение мусульманских святых доходит даже до того, что святые несколько не стесняются ставить себя выше даже своего пророка Мухаммеда. Известный путешественник Ибн Батута рассказывает, что весьма чтимый аскет, шейх из шейхов, живший на севере Месопотамии, позволил себе однажды выразиться, что он выше Мухаммеда, который не мог жить без жены. О великом святом, чтимом во всем мусульманском мире, Сидн-Абдул-Кедерель-Джалази, рассказывают, что ему Аллах однажды сказал через ангела: “Если бы я не послал Мухаммеда на землю прежде тебя, то тебя сделал бы своим посланником”³³. Не есть ли это высшая сатанинская гордость и самомнение, которое хуже, чем самомнение дикаря-язычника?

Перед обыкновенными смертными магометанский святой является как полноправный господин перед рабами. С одной стороны, сознание своей силы и могущества, с другой — ничтожество и греховность людей не позволяют ему снизойти до любви к людям и даже до простого расположения. Он холодно расточает щедрой рукой милости людям или карает их.

Напыщенность и кичливость его особенно сказывается там, где он является в звании пророка, учителя и наставника грешных

³³ Яблоков. О почитании святых в исламе. С. 48, 186.

людей, к которым посылается. В сказаниях святой выставляется ученым, обладающим необыкновенными знаниями; он хвалится тем, что ему принадлежит ведение того, что отрицает в себе даже Мухаммед. Ибрагим-аль-Дасуки, один из великих святых Египта, сказал о себе: «Когда мне было семь лет, бог показал мне, что находится в самых высших областях неба; девяти лет я разрешил тайну небесного талисмана и нашел в первой главе Корана Букву, которая приводит в страх и ужас людей и демонов; четырнадцати лет я был в состоянии привести в движение то, что было неподвижно, и остановить то, что двигалось».

Поэма, посвященная памяти знаменитого святого Ахмеда-аль-Бедави, влагает в уста его следующие нелепые слова, восхваляющие ученость и сверхъестественные знания: «Еще прежде своего рождения я был кутбом и ималом; я видел трон бога и то, что выше небес: я видел божество во время его откровения. Никто ни прежде, ни после не имел хотя бы частицу всей полноты моего знания и учености».

Чудеса в рассказах о святых носят характер чудовищного и сказочного. Магометанская фантазия наделила своих святых многими небывалыми, вымышленными свойствами, способностью совершать чудеса, часто искаженные библейские. Сами святые часто изображаются подобно существам сказочного мира: семиглавыми, одноглазыми, страшными — такими, от взгляда на которых можно умереть; или же невыразимо красивыми, женщины пылают к ним страстной любовью.

Некоторые из святых обладают сказочной силой и сверхъестественными способностями: они мгновенно переносятся с одного места на другое, видят самые отдаленные места; они могут мгновенно менять времена года — весну на зиму, осень на весну и проч. По одному слову святого, сказанному даже случайно, передвигаются горы, как например, по слову святого Ибрагима Адгама.

Вообще в мусульманских сказаниях святые часто показывают какое-то фокусничество и волшебство: воскрешают мертвых, разговаривают с ними, осушают моря, ходят по воде, превращают золото в кровь, а воду в молоко. У них разговаривают животные, словом укрощаются звери, останавливается течение времени; они способны съесть невероятное количество пищи; Бог уничтожает тех, которые захотят оскорбить святого. Святые могут принимать различные образы по своему желанию. Они могут говорить на семидесяти языках, понимают разговор животных и птиц.

По воззрению мусульман, святые — это близкие к их богу, удостоившиеся особого озарения или вдохновения от бога. Большинство мусульман славят их наравне с пророками.

Мусульманский идеал — чувственная, сладострастная жизнь. А отсюда уже ясно видна нравственная ценность учения, его языческая сущность. Мусульманство, казалось бы, ищет спасения и блаженства, а находит истинное счастье в удовлетворении страстей, в угождении плоти. Это ли не жизнь дикаря язычника? Это ли не служение себе вместо служения Богу? Это ли не полное отпадение от Божественной жизни в жизнь самолюбивую?

Как язычники-дикари не владеют сами собой, но стоят в полной зависимости от своих страстей, так магометане живут только исполнением требований плоти. И язычники-дикари мщение считают своим священным долгом; и у магометан мщение узаконено.

Дикарю не известна идея гуманности и сознание единства человечества из-за отсутствия в нем любви; и магометанину чужда эта идея. Дикарь представляет богов по своему образу; Мухаммед и его последователи рисуют бога таким же самолюбивым, каковы они сами. Как у дикарей язычников господствует свободное и даже поощрительное отношение к многоженству и кровосмешению, так и у магометан практикуется подобное. Отношения мужа с женой у мусульман подобны языческим (жена для мужа не более чем раба). И у тех, и у других женщины не допускаются до совместной с мужчинами молитвы.

Ислам имеет некоторое сходство и с язычеством китайцев. Так, например, магометане, подобно китайцам, верят в судьбу, или в предопределение, которого человек не может изменить своей жизнью; а потому ему остается только предавать себя Аллаху. И предают себя ему на словах, в то же время проводя жизнь, согласную с требованиями своей плоти. Нет сомнения, что китайцы в нравственном отношении стоят выше дикарей и магометан, как мы уже говорили. Но и у них сквозят те же эгоизм и самолюбие, а потому и они не имеют бескорыстной, самоотверженной любви. Магометане, подобно китайцам, самолюбивы и вместе с ними думают, что они должны занять все пределы земли и обратить в ислам все народы мира. Как и брамисты, мусульмане признают, что у человека свободы воли нет и причиной всех дел человеческих, добрых и злых, выставляют Брам-Аллаха. Указывая на сходство мусульманства и жизни его с жизнью дикарей, персов, китайцев, индийцев и других язычников, мы не думаем утверждать, что Мухаммед позаимствовал свое вероучение из учения и примеров

жизни этих народов, хотя и это вполне возможно. Правда, у иудеев он позаимствовал полностью религиозные обряды.

Что же касается образа жизни Мухаммеда и всех мусульман, то он отличался от уклада языческого и от прежнего поведения самого Мухаммеда, который был воспитан язычеством. Жизнь же языческая у всех народов состоит в проявлении самолюбия, свойства которого всегда и везде одни и те же у всех нехристианских народов и у каждого человека. Свойства самолюбия, как мы уже знаем, совершенно противоположны свойствам любви. Самолюбие развивается из чувства самосохранения и самоценности, зиждется на индивидуализме и животной, чувственной природе, которая у всех народов языческих одна. Оно исключает мысль о любви, симпатии и нравственном законе. Ни семейные, ни общественные порядки не совместимы с самолюбием, как равно чувство правды, добра, долга и смирения. Спутники самолюбия, как было замечено, суть удовольствие, расчеты, сердечная холодность, ненависть и вражда.

В силу этого все народы, чуждые любви, непременно будут жить, по сути, одинаково, к какому бы вероисповеданию или секте себя ни причисляли. Жизнь любви всегда проявляется в добродетели; а жизнь самолюбивая — в делах самолюбия. Здесь середины, компромисса нет и быть не может. Правда, в жизнь всего человечества вселилось самолюбие и объявило войну любви. Но мы здесь говорим не об отдельных лицах или народах, а вообще о законах и проявлениях любви и самолюбия. Человек, находящийся в области Божественной любви, отдает всю свою жизнь Христу Богу, т. е. стремится проявлять в своей деятельности Божественную любовь, служа Богу и ближнему. И наоборот, человек, принадлежащий к области самолюбия, хочет жить для себя и служить только себе. Конечно, в каждом человеке есть остатки любви, и при борьбе с самолюбием они развиваются и освобождаются из-под его гнета. Но борьба с самолюбием для человека слишком тяжела и нуждается в помощи, которую может подать только Божественная любовь, воплотившаяся в Иисусе Христе.

При рассмотрении жизни язычества как реализации самолюбия, с первого взгляда может показаться не совсем понятной языческая сущность учения Будды с его идеей самоуничтожения, стремления к небытию. Да и Мухаммед, говоря о предопределении, проповедует покорность воле божества, но в то же время и совершенную нравственную бездеятельность. И при этом он поощряет деятельность, направленную на утоление требований плоти.

Итак, буддизм как будто совершенно чужд всякого проявления самолюбия; однако на самом деле он проявляет самолюбие в наивысшей степени, с богохульным стремлением уничтожить жизнь, дарованную Самим Богом, и в то же время достигать самому Божественных свойств и совершенств. Будда не признает Божества, но сам стремится стать богом.

Бог создал Ангелов и человека для проявления и развития Своей жизни любви через них во всем созданном Им мире. Жизнь любви есть наивысшая нравственность, в которой заключается образ и подобие Божие в разумных и свободных существах. А потому всякое стремление к задержанию проявления ее и препятствие к развитию любви в мире составляет противление Самому Богу и вражду против Него. Таким образом, буддизм и мусульманство, стремящиеся к затруднению развития любви и сокращению ее в мире, суть орудия сатаны и враги Божественной жизни и славы. И вот что для язычников и последователей ислама стало законным, естественным, нормальным. А жизнь любви им чужда и кажется безумной, ненормальной. В то время как любовь стремится к самопроявлению и благотворному влиянию на других, самолюбие пытается подчинить себе окружающих насилеием. При этом каждый считает себя центром мироздания, желает собственной независимости и власти над другими; а отсюда возникают борьба и вражда. Этим всегда отличается самолюбивая жизнь.

Магометанству, как и язычеству, не чужд и фетишизм. Так, в главном священном месте мусульман, в Мекке, в храме их, Каабе, лежит обоготворяемый черный камень, с благоговением изглоданный зубами паломников-мусульман всего мира. Кроме того, мусульмане воздают почести надгробным камням, халату Мухаммеда, его мечу и обуви. Правда, они не делают себе идолов и не кланяются им, но это еще, к сожалению, не значит, что они состоят в единстве жизни с Богом.

Самолюбие, или отпадение от Бога, в высшей степени разнообразно и проявляется в бесчисленном множестве согрешений, как всякое уклонение от истинного пути и всякая ложь. А кроме того, само тело человека становится идолом, которому служат вместо Бога. Хотя мусульманин как бы предает себя Богу («пусть бог делает со мной, что захочет»), однако он продолжает вести естественную жизнь, согласно требованиям своих чувств и страстей. Отрицание воли человека равносильно отрицанию ценности добродетели и существования пороков. Бог, как источник зла, не подобен ли

дьяволу, соблазнившему на грех человека и уверявшему, что люди сами будут как боги³⁴, если вкусят запрещенного плода.

Нелишне будет привести здесь слова о Зороастре и Мухаммеде одного из французских писателей, Пастера, сравнивающего Зороастра и Мухаммеда и их деятельность³⁵. «Мухаммед и Зороастр родились в знатных семьях. Рождение этих законодателей, персидского и арабийского, сопровождалось чудесами; по крайней мере, последователи их о том говорят. Но только в том, как прошла молодость их, мало сходства. Мухаммед провел первые годы, занимаясь торговлей, а познания в этой области бесполезны для осуществления его намерений. Зороастр же упражнялся в науках, послуживших ему впоследствии.

Достигнув зрелого возраста, оба они скрывались от людей в надежде, что таким образом они смогут вызвать в людях большее к себе уважение. Зороастр, возвратившись из рабства скоро прибыл в Иран и удалился в уединение на некоторое время в соседние горы, будто для совета со всевышним существом и для упражнения в астрономии. Мухаммед, оставив торговлю и найдя возможность удачно жениться и поправить бедное состояние, скрывался всякий год на определенное время в горной пещере в трёх милях от Мекки.

Во все времена уединение и сокрытие себя казалось нужным для тех, кто хотел обмануть людей. Сей способ использовали Зороастр и Мухаммед. Эти два обманщика стали выдавать ложные откровения и чудеса за истинные.

Такое лукавство зачастую употребляли древние законодатели. Минос ходил на гору Диктею получать от Юпитера законы, которые он издавал в Кришне. Ликург путешествовал в Дельфы для советования с богом Аполлоном, Нума говорил все то, что он слышал от богини Эгерии. Оракулы наставляли Солона, а Селевк был удостоен разговора с богиней Минервой.

Зороастр и Мухаммед подражали в том своим предшественникам. Они были служителями некоего одного бога, который будто открывал им свою волю. Зороастр и Мухаммед были честолюбивы и принуждали всех покоряться своим законам; нисколько они не боялись разрушить царства, только бы прославить свое имя и утвердить торжество своей мысли. Мухаммед, будучи недоволен

³⁴ См.: Быт. 3: 5.

³⁵ Пастер. О начале, размножении и падении идолопоклонства / Пер. с французского. М., 1793. Ч. 3–4.

многоженством в народе и полагая оному границы, себе самому давал, якобы по велению Аллаха, перед другими преимущество многоженства неограниченного. Зороастр и Мухаммед, проповедуя свое учение, действовали принуждением и казнили неверующих, называя их своими врагами.

Зороастр и Мухаммед имели последователей, старавшихся распространять их учения. Сын Зороастра проповедовал заблуждения своего родителя; Омар, Али и некоторые другие повторяли нелепости Мухаммеда. Последователи Зороастра поносили апостола ислама за то, что будто он получил свое учение и свои законы от Мобеда, именем Диниара, изгнанного из их общества за кровосмешение со своей матерью»³⁶. Как Зороастр, так и Мухаммед считали себя восстановителями богослужения Авраамова. Персы веровали, что Зороастру дана была книга с неба, а магометане то же думают о Коране. Как Зороастр, так и Мухаммед проповедовали веру в единого бога и низвергали идолов. Зороастр и Мухаммед соединили гражданскую власть с духовной.

Но относительно свободы воли человека Зороастр и Мухаммед расходятся. Зороастр свободу воли подтверждает, а Мухаммед единственно для своей выгоды свободу отвергает, чтобы вполне подчинить всех последователей своих собственной воле в случае войны с иноверцами и чтобы особо настойчиво требовать исполнения его воли в обрядах веры, им проповедуемой.

Таким образом, мусульмане хотя и веруют, что в мире только один бог, но этому единому они приписывают совершенно языческие, сатанинские свойства: самолюбие, хитрость, несправедливость, безрассудное своеволие — словом, Мухаммед единому богу придал свойства жизни своевольного, бессердечного и несправедливого языческого царя-деспота.

Сообразно со свойствами своего бога Мухаммед и сам и его последователи ведут личную, семейную и государственную жизнь. Потому в их общественной и семейной жизни отсутствует любовь. Старшие господствуют над младшими. Отец — над женой и детьми, государь — над всеми подданными, с правом решать по своему желанию вопросы их жизни и смерти. Если же у мусульман отсутствует любовь — прекрасное свойство Божественного бытия, — то они уже не могут быть причислены к области Божией любви, и волей-неволей приходится отнести их к числу отпадших от Божественной жизни. Иной же области жизни нет.

³⁶ Там же. Ч. 3–4. С. 253–268.

Ангел Денница отпал от истины и впал в ложь, сделавшись отцом неправды и причиной всех блужданий и уклонений от жизни. Лукавство никогда не может быть постоянным и неизменным, поэтому исполненная лжи, самолюбивая жизнь и вылилась в большое количество языческих верований с различными названиями. Отсюда возникло обожествление тварей, служение страстям, людям-героям и демонам, выразившееся в идолопоклонстве, почитании бездушных предметов.

Потому появились лжеучения Конфуция, Зороастра, Браммы, Будды и Магомета со смешением всех вышеупомянутых заблуждений. И во всех этих уклонениях от истины проявляется одна и та же ложь, сущность которой состоит в самолюбии, повсюду ищущем удовлетворения, но не находящем его ни в чем. Человек, вступив на ложный путь жизни и не найдя удовлетворения, всегда вступает на другой путь, третий, четвертый и далее.

Так без конца он и будет блуждать, пока не найдет истины в жизни любви и не воссоединится с Богом в единстве жизни. Только это может вполне успокоить мятущийся в отпадении от Бога духовного существа и снова принести ему мир и радость блаженства жизни с Богом. Только единство с Богом может укротить все плотские страсти, возбуждаемые самолюбием, и утолить жажду всех требований и желаний чистой человеческой природы.

Из всего сказанного о мусульманстве видно, что оно есть выражение самолюбия и без всяких рассуждений должно быть причислено к язычеству, несмотря на то, что мусульманство крепко верует в единого бога. Однако такое убеждение без пребывания в союзе любви с Богом равносильно состоянию неверия и жизни для удовлетворения своих личных интересов.

Хотя в Богооткровенном Писании и говорится, что верой вселяется в сердца Христос³⁷; но здесь разумеется восприимчивость к жизни Христовой в сердце с проявлением ее в жизни. Это и будет составлять веру деятельную, т. е. пребывание в единстве с Богом. У мусульман же вера в Бога только уверенность в бытии Его, но не подражание жизни Его, а потому и не является вселением Бога в сердце. Для мусульманина, как и для язычника, Бог неприступен, весьма далек от него, и общения с Богом он даже боится; а кроме сего, он и не может иметь общения с Богом по жестокосердию своему и по причине грубой плотской жизни.

³⁷ См.: Еф. 3: 17.

У мусульманина нет любви к Богу или живой и деятельной преданности Ему. Хотя он и называет себя словом «муслим», т. е. «преданный Богу», но эта преданность его бессмысленна и мертва. Он сам не хочет делать что-либо во славу Божию, содействовать проявлению в мире Божественных совершенств посредством своей личной жизни, в делах и словах своих. Он не хочет из-за трусливого самообмана и страха «сделаться творцом своих дел». И вот мусульманин не для Бога живет, но только для самого себя. А потому он есть полный и действительный язычник, для него тело есть идол, которому он поклоняется.

Мусульманские муллы — те же языческие жрецы; а равно и обряды веры их суть обряды языческие. Если и есть у магометан обряды иудейские, то они не имеют значения иудейских обрядов и составляют только бессмысленное подражание им. Простое верование мусульман в единство Божие, в Ангелов, пророков и последний день, в существование рая с гуриями и садами и ада с ужасными мучениями еще никоим образом не может составить истинной религии, т. е. союза Бога с человеком. «Религия» — союз жизни, — как уже сказано, может состоять только в единстве с Богом.

Мусульманство может быть названо скорее союзом с Мухаммедом, ибо последователи его подражают ему во всем, но никоим образом не Божеству, о Котором они не имеют ни малейшего понятия. А потому вера в Бога, согласная с указаниями Мухаммеда, не может иметь ни малейшего влияния на улучшение нравственности человека и не может воздвигнуть человека от падения. Как известно из практики, нужно оставить пороки, чтобы восстановить свою нравственность, без чего невозможен союз с чистой, беспорочной жизнью Божества. А так как Бог есть Любовь и жизнь Его состоит в проявлениях любви делом и словом, то желающему возвратиться в единство с Богом необходимо отречься от самолюбия и начать жизнь любви, проявляя таковую в действиях и речах; это будет уже равносильно началу вступления в союз жизни с Богом. Но этот союз с Богом и ближним должен основываться на вере в воплотившуюся Божественную жизнь любви в лице Иисуса Христа и подкрепляться благодатью Божией посредством Таинств Св. Церкви.

Без благодатной помощи Божией союз любви ослабнет и человеком снова завладеет самолюбие, которое уничтожит единение с Богом и ближним. Необходимо полностью вступить в Божественную область живой любви, предать Богу свою деятельную жизнь и существовать только для проявления во всех действиях свойств и совершенств Божества, а не самолюбивого духа.

Правда, язычники и магометане сами не могут разграничить область Божественной любви от области дьявольского самолюбия и последователей его, ибо границы их невещественны и пяти чувствам плоти, которыми они живут, недоступны. Для сего необходимо отречься от чувственности и проследить за духовной жизнью любви по книгам истинно Божественного Откровения, показывающего нам жизнь Самого Бога и проявления ее в не замутненных грехом сердцах людей. Самое главное условие для восприятия Божественных откровений и усвоения их заключается в чистоте души, в жизни, согласной с волей Божией, не омраченной самолюбием. Самолюбие закрывает сердце человека от влияния Бога.

Как мы уже знаем, Богу присуще стремление к самопроявлению свойств Духа Своего в создаваемых Им личностях, в свою очередь обязанных воспринимать и проявлять сокрытые в них Божественные свойства. А самолюбие — это обращение подобного желания только на себя, нарушающее порядок и течение закона Божественной любви. Если человек ведет единую с Богом жизнь любви, стараясь познать и проявить в себе Божественные совершенства, то он являет собой образ и подобие Божие. Но когда он пребывает в самолюбии, т. е. скрывает в себе свойства духа и обращает все стремления свои на себя, он извращает свою жизнь и причиняет ей страдания, уподобляясь сатане.

Правда, в человеке остается потребность самооткровения и любви, но и самолюбие в нем развивается, уменьшая любовь и отвлекая от служения ближнему. В человеке, живущем чувственностью и услаждением себя, самолюбие развивается и крепнет быстрее, затмевает созерцания духовной жизни и покоряет ее желаниям плоти. Только усилиями воли, при помощи Божией, возможно восстановить и направить стремления своего духа вперед, на служение Богу и ближнему — т. е. любить Бога и ближнего.

Правда, чистой, живой Божественной любви в человечестве не осталось: повсюду самолюбие пускает корни и борется с любовью. Но и абсолютного самолюбия нет, ибо первоначальная жизнь человека была жизнью любви и следы ее сохраняются до сего дня; только самолюбие заражает жизнь, портит ее. И вот эта уродливость жизни, искаженной самолюбием, развивалась и поныне развивается в языческом мире, распавшись на множество проявлений с разными наименованиями или под разными этикетками вроде буддизма, брамизма, шаманства, конфуцианства, зороастризма и ислама, имеющих, в свою очередь, мельчайшие ответвления, возникающие вследствие разделения единого человечества на народы.

Самая религия христианская, открывающая нам Богочеловеческую жизнь, без воли и борьбы самого человека не могла уничтожить в нем самолюбия, а потому и среди христиан появились различные направления: православие, католичество протестантство, секты.

Православие, как подражание Богочеловеку Христу, в отличие от других христианских религий сохранившее учение о Божественной жизни любви в Христовых Таинствах, ближе всех стоит к истинной области жизни любви и предоставляет человеку полную возможность воссоединить личную жизнь свою с жизнью Божества и таким образом восстать от своего падения и наследовать еще на земле блаженную жизнь с Богом и в Боге или в Его жизни любви.

Но мусульманство поощрением чувственности и плотских страстей у своих последователей делает их маловосприимчивыми к духовному, живущими только для тела. Учение ислама тем больший вред наносит приверженцам его, что это отравление жизни совершается от имени Самого Бога, будто деспотически распоряжающегося жизнью и стремлениями человека.

И вот такого богохульства мусульмане совершенно не замечают и даже фанатически поддерживают его, распространяя среди других народов как бы во славу Божию. Из-за такого самообмана ислам является одной из самых вредоносных вероисповедных систем самолюбивой области жизни и потому требует очень строгого к нему отношения и обличения со стороны всех христиан, особенно же духовенства и миссионеров. Борьба с мусульманством должна быть священной обязанностью христианского общества, но борьба не физической силой, а силой любви и деятельной проповедью ее среди мусульман, погибающих в чувственной, страстной жизни, в отчуждении от Божественной жизни любви. Слепая вера Мухаммеду, вера в проповедуемое им безусловное предопределение почти прекращает доступ Божественного света к сердцам мусульман и оставляет их в полном плену у духа злобы и власти тьмы — дьявола.

Примечание

Священномученик Александр Степанович Миропольский (1847—1918) — протоиерей. Канонизирован 17 июля 2002 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви. Память 23 июня в день Собора Новомучеников и исповедников Российских.

С 1872 по 1907 г. служил миссионером-проповедником в Казанской епархии. Службу начал в с. Александровское Чистопольского уезда, в 1871 г. переведён в Покровский храм с. Апазово Казанского уезда, в котором прослужил 29 лет. В 1900 г. назначен в Троицкий собор г. Мамадыш Казанской губернии на должность благочинного церковного округа. В 1906–1911 гг. в качестве вольнослушателя посещал занятия на миссионерском отделении Казанской Духовной академии. Как опытный миссионер среди мусульман был назначен в Екатеринбург епархиальным миссионером, утвержден в этой должности указом Святейшего Синода от 22 декабря 1911 г. С 1911 г. служил в Успенской церкви поселка Каслинский завод Екатеринбургской епархии. В результате многолетней миссионерской деятельности создал собственную систему работы с инородческим населением, сектантами и раскольниками, использовал методы катехизации инородцев, основанные на обучении русскому языку, проводил собеседования, стремился устранить недостатки академической программы подготовки миссионеров. В годы революции и гражданской войны продолжил миссионерские поездки по Пермской губернии. В конце 1917 г. во время миссионерской поездки был арестован за распространение переведенной им на татарский язык религиозно-нравственной литературы. «...И только после удостоверения со стороны татар, что в книжках ничего контрреволюционного нет, Совет рабочих депутатов его освободил» («Известия Екатеринбургской Церкви», 1918). Вновь арестован 22 июня 1918 г., расстрелян после пыток в ночь на 23 июня/6 июля, погребен вместе с сщмч. Петром Беляевым и сщмч. Петром Смородинцевым около Успенского храма пос. Каслинский завод.

Сочинения сщмч. Александра Миропольского об исламе были составлены в рамках его активного миссионерского служения на рубеже XIX–XX вв.

Печатается по: *Миропольский А. С., прот.* Любовь и самолюбие с религиозной точки зрения. Казань, 1910. Гл. 25.

